

*Книга является художественным произведением.
Все имена, персонажи, места и события,
описанные в романе,
вымышленные или используются условно.*

1

Микроавтобус трясся, двигаясь по полуразрушенной бетонной дороге. Свет фар едва пробивал плотную ночную мглу. В водительское стекло то и дело с громким стуком бились ночные насекомые. Скорость была небольшой, едва ли за сорок, но ночные мотыльки неслись навстречу своей гибели словно замороженные. Дорога была пустынной — ветка от основной трассы, окруженная высоченной стеной густого леса.

Водитель микроавтобуса — плотный кряжистый дядька, что-то бубнил себе под нос и, чуть подавшись вперед, выкручивал руль, чтобы обойти разбитые участки и не попасть колесами в зазор между бетонными плитами.

Полина открыла глаза и подтянула кофту, которую использовала в виде пледа. Приложив ладонь к стеклу, она попыталась разглядеть хоть что-нибудь, но ночь была черна и холодна. Впрочем, эта дорога и так навсегда врезалась в память. Правда, несколько лет назад основная трасса тоже была на редкость ужасна. Сейчас, когда области наконец договорились и каждая привела свой участок в порядок, ездить по ней стало одно удовольствие. Что же

касалось вот таких параллельных веток, то до них, судя по всему, руки у властей дойдут еще не скоро. Если вообще дойдут. Деревни вымирают, реки мельчают, поля зарастают бурьяном и борщевиком...

По раздолбанной бетонке нужно было ехать километров сто, а если двигаться с комфортом по федеральной трассе, то приходилось делать большой крюк. Вот все и пользовались кривыми дорожками, чтобы сэкономить пару часов.

Водитель был опытным. Знал, что в этих лесах водятся лисы и кабаны. Они с Кушнером часа полтора обсуждали разные дорожные случаи, пока режиссер не заснул. А аварий здесь всегда было предостаточно не только ночью, но и днем. То лось выйдет, то медведь выскочит — смотри в оба не только вперед, но и по сторонам. Полина слушала, вглядываясь в вечерние сумерки. Мужчины начали неспешную беседу, еще когда за большими окнами не было никакого леса, а лишь мелькали городские производственные застройки и частный сектор. Но совсем скоро они стали редеть, пока совсем не исчезли, и сквозь темноту можно было разглядеть только низкие ограждения со светоотражающими знаками и белеющие километровые столбики. Говор водителя — ровный, округлый, раскатистый. Сразу видно, из местных, вологодских кровей. Удивительное дело — как же намертво в людях сидит принадлежность к месту рождения и роду. Чтобы избавиться от акцента, этому дяденьке пришлось бы много заниматься, но ему это было ни к чему. Вот у Кушнера речь правильная, хорошо поставленная. Сейчас такую даже с экрана телевизора редко услышишь. Чувствуется старая актерская школа.

ГЛУШЬ

Все пассажиры крепко спали, но Полине никак не удавалось побороть состояние полудремы, которым она мучилась уже довольно долго. А ведь казалось, что киношники не утомятся до самого утра. После того как они загрузились в серебристый микроавтобус, разложили вещи и аппаратуру, стали шумно спорить, кому какое место достанется. А потом, рассевшись, вдруг решили пить чай из термоса, а это был вовсе и не чай... Кушнер ругался, грозился, но выглядело это слишком театральным, и все посмеивались, шуршали фольгой от шоколада, перекидывались шуточками, и вокруг пахло апельсином и смородиновым ликером.

Автобус был прибранным, ухоженным. Казалось, на стеклах панорамных окон еще виднелись влажные следы от чистящей жидкости. На рулевой панели мигали цифры электронных часов. Мужчины похрапывали, а женщины вздыхали во сне. Никто из попутчиков не обращал внимания на автомобильную тряску. И только Полине было муторно и тревожно, словно что-то внутри ее сопротивлялось этой поездке. И все же Полина была рада тому, что сидит сейчас среди малознакомых и своеобразных людей, которых хлебом не корми, а дай посмеяться и посплетничать о ком-нибудь или поизобразить из себя непризнанного гения. Словно дети, ей-богу...

Внезапно автобус стал тормозить и через несколько метров встал. Полина прислушалась, пытается разгадать причину остановки. Водитель вышел, оставив свою дверь приоткрытой. Потянуло табаком. Полина вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, вновь старательно зажмурилась. Послышались голоса, затем шаги. Зашуршало бетонное кро-

шево, отъехала дверь в пассажирский салон, и корпус автобуса слегка накренился под чьим-то весом.

Лицо Полины обожгло холодным свежим воздухом. Она заерзала, вжимаясь в сиденье, а затем услышала совсем рядом тихий низкий голос:

— Вы позволите?

Она вздрогнула и открыла глаза. Сердце пропустило удар, а потом вдруг застучало как сумасшедшее.

2

За три дня до этого.

Из книги Полины Скорородовой: «Шуша зажала локтем книгу, выскочила за калитку и довольно быстро зашагала в сторону леса. Трава хлестала по ногам, и скоро в застешках сандалий собралось по маленькому зеленому букету. Девочка остановилась и приподняла ступню, чтобы полюбоваться такой красотой. «Я принцесса!» – произнесла вслух, и с этого момента ее поступь приобрела королевскую неспешность. Однако хватило ее ненадолго. Солнце стало припекать сильнее, лесная чаща звала загадочной спасительной тенью. До обеда Шуше хотелось успеть дойти до того места, где начиналось болото, и вернуться в деревню, пока ее не стали искать.

Шуша – смелая принцесса, которая никак не могла попасть в свой замок...»

Кончик ручки замер, вдавливая точку в углу клетки.

— Ты куда положила формуляры? В журнал уже все записала?

Полина вздрогнула от скрипучего голоса начальницы, захлопнула блокнот и уставилась на Ольгу Ивановну все еще затуманенным взглядом. Их глаза оказались на одном уровне — росту в директоре было меньше полутора метров, но голос, резкий, с металлическими нотками, должен был принадлежать женщине гренадерского типа, а не подобной карлице.

«Вокруг замка жили карлики, тролли и великаны... Старый король всегда предупреждал Шушу, что с ними следует быть очень осторожной...»

— Чем ты занимаешься? Что там со списком мероприятий?

— Да-да, сейчас я все... — помотав головой, Полина наконец пришла в себя и засуетилась, хватаясь за бумаги на столе и параллельно возя мышкой перед компьютером, открывая нужное окно. — Сейчас, сейчас...

— Поторопись! И хватит витать в облаках!

— Конечно, Ольга Ивановна, — закивала Полина, чувствуя, что краснеет. Такое уж свойство ее натуры и физиологическая данность — покрываться краской в самый неподходящий момент. К тому же у нее рыжие волосы и россыпь веснушек, что, по мнению самой Полины, делало ее похожей на апельсин.

Известный факт — рыжих в мире менее двух процентов, поэтому они всегда привлекают к себе всеобщее внимание. Должно быть, надо расценивать это как плюс, но точно не с ее характером.

Казалось бы, ничего страшного не произошло — формуляры за вчерашний день обработаны, жур-

нал заполнен (летом в библиотеке посетителей совсем немного), список мероприятий — Полина вздохнула — тоже. А вот поди ж ты, небольшое замечание — и она опять переживает и нервничает, будто произошло что-то страшное.

— Так, мероприятия... — Полина помнила их наизусть в конце месяца — вечер русского романса, а завтра — знакомство с творчеством местной поэтессы Ефросиньи Душко. Как пить дать, придут только пенсионеры из окрестных домов, не занятые садово-огородными делами. Всех она знала в лицо и поименно — сплошь приличные интеллигентные люди.

На экране возникла фотография поэтессы. Вот уж действительно — как вы яхту назовете, так она и поплывет. Наверняка родители маленькой Фроси прочили ей прекрасное творческое будущее, не задумываясь о том, есть ли у нее вообще талант и способности. Внешне автор двух тоненьких сборников представляла собой крупную томную даму с влажным взглядом больших карих глаз, пышными завитыми локонами лилово-розового цвета и сложенными под подбородком короткими толстыми пальчиками, унизанными золотом-серебром. Сдвинув курсор ниже, Полина прочла:

О милый друг,
Зову, приди!
Оставь бывшее позади!
Объятий плен,
Лобзаний ночь
Иль подари, иль поди прочь!¹

¹ Стихи автора.

— Иль поди прочь... — произнесла Полина, вскинув брови. Однако!

Взглянув в большое окно, она с тоской отметила, что день обещает быть солнечным и шумным. Уже середина лета, а полтора месяца пронеслись мимо нее почти незамеченными. Отпуск, который начинался через три дня, не радовал. Нет, конечно, это здорово не думать о том, что завтра на работу. Можно читать до самого рассвета, а потом вставать к обеду, щурясь от ярких солнечных лучей, пробивающихся между штор. Но все же хотелось чего-то другого, томительно-тягучего и интригующего, от чего бы кровь начала течь быстрее и жизнь показалась бы красочнее.

Было время, когда Полина точно знала, что ей нужно. Фантазерка, мечтающая стать писателем и поглощающая книги со скоростью и аппетитом крокодила. И что же? Почему сложилось именно так, а не иначе, и где она свернула не в ту сторону? Почему Ефросинья Душко может называть себя писателем и поэтом, а она, Полина Скороходова, до сих пор стыдится признаться в том, что пишет?

«Ну кому интересны мои перлы? — тут же пронеслось в голове. — Вот и мама говорит, чтобы не занималась ерундой. Хорошая работа с удобным графиком, возможность читать самые редкие издания и самообразовываться. Да, зарплата небольшая, но ведь ей хватает? Чай, не семеро по лавкам, чтобы биться за презренный металл».

Полина прикусила губу — ей скоро двадцать четыре! Еще пару-тройку лет, и из тургеневской девушки она плавно перейдет в статус бальзаковской барышни... От подобных сравнений стало груст-

но, а затем смешно. Слышала бы ее единственная подруга Варя! Та уже обзавелась мужем, детьми-погодками, собакой и живущей в соседнем подъезде свекровью. Спасаясь от счастливых семейных будней, Варя частенько коротала время у Полины, и только она знала о тайной мечте рыжеволосой библиотекарши.

Хлопнула входная дверь. Внутрь вошел подтянутый мужчина в светлом льняном костюме, фетровой шляпе и мокасынах на голую ногу. За пятьдесят, с небольшой клинообразной седой бородкой и загорелым лицом — посетитель производил впечатление заблудившегося иностранца. Заметив Полину, он приподнял шляпу и не спеша направился вдоль стеллажей, разглядывая корешки книг.

Половицы поскрипывали под его тяжестью; жирная муха, надсадно жужжа, билась о стекло под самым потолком; кондиционер гонял воздух, поддерживая нужную температуру; тихо гудел компьютер... Полина почувствовала, как ее накрывает сонное оцепенение. Нет, определенно следует что-то менять, иначе она засохнет и превратится в один из тех скучных, никем не востребованных томов, которые намертво осели в библиотечном фонде. Смежив веки, Полина нажала на точки у висков, чтобы немного взбодриться, а когда отняла руки и открыла глаза, увидела посетителя прямо перед собой.

— Добрый день, — приятно картавя, поздоровался он.

— Добрый день, — улыбнулась Полина, заметив мелькнувшую на заднем фоне фигуру Ольги Ивановны.

«Карлики были всегда чем-то недовольны, а потому злы лицом и вредны характером...»

— Чем я могу вам помочь? — Полина заправила за ухо выбившуюся рыжую прядь и выпрямила спину.

— Мне нужна одна книга. Автор малоизвестный, я бы даже сказал, совсем неизвестный широкому кругу читателей. Да и не книга это в общем-то, а скорее методическое издание... — Мужчина чуть вытянул дрябловатую шею, с пристальным интересом разглядывая девушку.

— Очень интересно, — прищурилась Полина. — Давайте посмотрим, обладаем ли мы какой-то информацией. Диктуйте название и фамилию... — Она развернулась к компьютеру и пододвинула клавиатуру.

— Полина? Полина Скороходова? — внезапно посветлел лицом мужчина и хлопнул ладонью по стойке.

— Простите, мы знакомы? — удивленно обернулась Полина.

— Конечно! Скорее всего, вы меня даже не помните, — смутился мужчина. — Когда мы виделись в последний раз, вы были совсем еще ребенком. Но сейчас я вас сразу узнал!

«Еще бы, — мысленно вздохнула Полина, — с такой-то неприметной внешностью...»

— Вы стали необыкновенной красавицей! — опровергая ее мысли, заявил мужчина. — Практически эталон прерафаэлитов!¹

¹ Прерафаэлиты — направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века.